

Тут как-то взялся за чтение переписки Алексея Николаевича Толстого – «советского графа», как ещё его называли за глаза недоброжелатели. Хотя он, действительно, был графского рода. Книга «Переписка А.Н. Толстого. В двух томах» вышла всё в той же серии, что и переписка А.Н. Толстого с братьями и сестрой «Переписка русских писателей» в 1989 году в издательстве «Художественная литература».

Тут интересны такие наставления матери Александры Леонтьевны молодому Алексею. Сама писатель, она рано заметила в сыне настораживающие черты характера и попыталась его предостеречь на будущее.

«Ты берешь у всех всё, что можешь взять, и взамен не даёшь тёплого чувства. Ты идёшь к товарищам потому, что тебя влечёт к ним потребность веселья, общения, но не потребность любви». И далее: «Ребёнком ты был большой эгоист. Теперь ты в переходной стадии. Выйдет ли из тебя разумный альтруист? Это покажет будущее. Мы сделали всё, что могли, теперь кончается воспитание и начинается самовоспитание. Трудись над собой сам. Наше дело показать тебе те выводы, к которым мы пришли опытом всей жизни» (4 июня 1900 г.).

Мудрая женщина. Редко какая мать могла бы заметить, а если и заметить, то написать подобное любимому сыну, уехавшему в столицу Российской империи поступать в высшее учебное заведение.

Отвечая на другое письмо Алексея, Александра Леонтьевна Толстая размышляет о сути творческой работы (и опять, по-моему, замечательно):

«Творческая работа придаёт такой смысл и полноту жизни. Мелочи жизни, неудачи и т.д., всё теряет свою важность и удаляется куда-то вниз, точно проваливается куда-то, а ты стоишь сверху и видишь далёкие горизонты... Знаешь, я одно время думала, что моя песенка спета, что моё творчество иссякло и я не смогу более ничего создать. Но теперь я чувствую новые силы, чувствую, что могу работать... Что случилось, какая таинственная, бессознательная работа произошла внутри меня» (6 августа 1901 г.).

Думаю, что подобные оценки писательского труда, предупреждения о предстоящих сомнениях и разочарованиях, помогли молодому Толстому многое заранее предвидеть. Понятно, что чужой опыт редко кто примеряет на собственную жизнь, на собственные радости и невзгоды. Однако знание его, в определённых обстоятельствах, безусловно, даёт возможность при неудачах и душевном, творческом «раздрае» не пасть духом, выстоять.

Но пойдём дальше в чтении первого тома переписки А.Н. Толстого...

Поначалу в нём не так интересного, хотя период серьёзной литературной деятельности уже в полном разгаре. Но вот одно замечание из письма Алексея Николаевича Н.С. Клестову от 28 марта 1912 года:

«Запад, например, давно уже носит в потайном кармане Достоевского, а у нас пока отделяются блевотным романтизмом Арцыбашева и Куприна. По-моему, истинное искусство должно составиться из двух полярных элементов: Пушкина и Достоевского, и дай Бог тому колоссу, который, придя (а он ещё не пришёл), совместить в душе своей два эти полюса».

Оставим на совести Толстого упоминание о прозе Арцыбашева и Куприна. Тут есть некое несправедливое раздражение. Возможно основанное на чём-то личном. Но замечание о Пушкине и Достоевском заслуживает внимания. Действительно, влияние творчества Фёдора Михайловича в XX веке не только на западную, но и на всю мировую литературу, было (да и остаётся сейчас) огромно. Впрочем, как и Льва Николаевича Толстого.

Не удержусь и в связи с этим выпишу ещё одну выдержку из письма, теперь уже посланного отцу (отчиму) А.А. Бострому (май-июнь 1913, Москва):

«За этот год я тоже всё время думаю о смерти, но не о том, что скоро умру, или боюсь этого, а о том, что не может быть, чтобы человек, уходя, исчезал как снег. Мир гораздо сложнее и разумнее, чем о нём думаем, и смерть как полное исчезновение есть только лишь несовершенное об этом представление».

Эти размышления абсолютно в русле тех тем, которые поднимали в своих произведениях великие классики русской литературы, ставшие, во многом не превзойдёнными, классиками мировой культуры.

Честно говоря, прочитал книгу не за раз. Как-то долго не мог ночью заснуть. Ложился, затем опять вставал. В итоге дочитал первый том переписки – период до отъезда А.Н. Толстого из Германии в Москву.

В представленных в двухтомнике письмах 1922 года Алексей Николаевич разъясняет свои взгляды на дальнейший исторический путь России. Кроме широко известного его письма Н.В. Чайковскому (открытого, опубликованного в газете «Накануне» 14 апреля 1922 г. и почти тут же перепечатанного советской газетой «Известия» 25 апреля 1922 г.), которое я здесь цитировать не стану – его всякий может при желании найти в интернете, есть другие, другим адресатам, где писатель продолжает рассуждать на поднятую тему, объяснять своё понимание происходящего. Например, в письме Андрею Соболю (Юлию Михайловичу Соболю – писателю):

«В принятии революции нет оправдания её, ни порицания её – нет морального начала, как нет морального начала в том, чтобы стащить свою лодку с песка и поплыть по реке. Я думаю, что, вообще, рассмотрение революции как начала морального, в особенности романтизирование её – есть ложь и зло, так же как ложь и зло восхищаться войной и воспевать её. Война и революция – неизбежность. Война есть внешнее движение народа, революция – внутреннее движение народа. Когда они совмещаются, как за эти пять лет в России, – нация переживает сдвиг. Предотвратить войны и революции нельзя (лишь оттянуть срок). Историческая наука не дала ещё для этого верных рецептов».

И заключает в предпоследнем абзаце:

«...долг каждого русского всеми силами помочь отечеству, когда отечество погибает... Просто, кажется, даже банально. И вот я – сукин сын и чёрный негодяй...»

Кто же такими эпитетами награждал Алексея Николаевича? Да всё та же внутренняя и внешняя русская эмиграция. Вечная в своих оценках, поступках, требованиях и невероятно однообразная во все века:

«В эмиграции, – продолжает Толстой, – думают по-другому. «Не вытацишь, сукин сын, лопнешь». И ждут, когда большевик лопнет. И это

ждать, когда лопнет, – считается честным, красивым, стойким. (Возьмите нынешнюю эмиграцию, мечтающую о крушении и распаде России, сравните их чаяния с чаяниями столетней давности части русской поверхностной послереволюционной эмиграции и попытайтесь найти разницу – В.С.) Другие в эмиграции, вроде Милюкова, говорят: «дайте мне возможность скинуть большевиков, и я устрою в России земной рай». (Нынешние «милюковы», собравшись то в Вильнюсе, то в Берлине, мечтают скинуть Путина, а обещания всё то же – свободы, богатства, одним словом рая земного, ради которого готовы пустить под нож большую часть «неправильного» русского народа – В.С.) Но ведь дают (возможность) за деньги. Платить будет не Милюков. Он только устроит земной рай. **Подати будет собирать на Красной площади французский сержант сенегалец** 126 линейного пехотного полка. (Жирным выделено мной – уж слишком в точку сказано. А разве мы это не прошли в девяностые годы прошлого века, когда таки скинули «ненавистную советскую власть». Кто собирал подати? Напомнить? – В.С.)

Русские эмигранты... ведут себя как предатели, – дальше констатирует Алексей Николаевич, – и лакеи. Клянчат деньги, науськивают, продают, что возможно. **В Европе (кроме Германии) Россию ненавидят и боятся. России не на кого рассчитывать только на свои силы.** И главная сила России сейчас в том (в России этого не чувствуют, кажется), что Россия прошла через огонь революции, у России горячее дыхание. Это можно почувствовать, лишь сидя здесь, на Западе, где не было потрясений революции, но где жизнь идет на ущерб. Здесь катастрофа неминуема. (Тут даже комментировать нечего – словно о сегодняшних днях написано. Но ведь как прозорливо! Одно обидно – никогда-то мы уже сказанным и осмысленным не пользуемся, всё ищем понимания, дружбы, любви у «партнёров». А ведь скольких бед могли бы избежать! – В.С.)

Так вот, в общих чертах, причины, заставившие меня написать письмо в «Накануне». Я отрезаю себя от эмиграции. Эмиграция ругает меня с остервенением: я ее предал. **Но меня ругают и в России: я нарушил давнишнюю традицию интеллигенции – будировать правительство.** Но эту роскошь я не могу себе позволить, покуда Отечество на самом краюшке бездны».

Ранее на эту же тему своими впечатлениями А.Н. Толстой делится с К.И. Чуковским (письмо от 20 апреля 1922 года из Берлина):

«Эмиграция, разумеется, уверяла себя и других, что эмиграция – высококультурная вещь, сохранение культуры, неугашение священного огня. Но это так говорилося, а в эмиграции была собачья тоска – как ни задирались, всё же жили из милости, в людях, и думалось, – быть может, вернёмся домой, и там примут не ласково: без вас обходились, без вас и обойдёмся. Эта тоска и это бездомное чувство вам, очевидно, незнакомы. Признаваться в этом тяжело, но нужно. На чужбине мы ели горький хлеб. В особенности, когда остыло безумие гражданской войны, когда глаза понемногу стали видеть вещи жизни, а не призраки – началась эта бесприютная тоска. Много людей наложило на себя руки. Не знаю – чувствуете ли вы с такой пронзительной остротой, что такое родина, своё солнце над крышей?»

И как бы ставя точку в своих рассуждениях, Алексей Николаевич заключает:

«Пускай наша крыша убогая, но под ней мы живы».

Ныне крыша России не убогая. Ещё десять лет назад о ней так можно было говорить, но теперь – нет! Однако ничего не меняется для российской эмиграции. Назвать её русской уже нельзя – большинство её представителей люди совсем других национальностей. Но все они решили, что родная крыша хуже чужеродной. Уехали, провозгласили, что это они и есть Россия. И даже не догадываются, как это смешно и подражательно звучит.

Загадка в другом – почему в России из века в век повторяется одно и то же? Почему в ней, в её пределах, на её хлебах выращивается племя люто ненавидящих, презирающих и предающих её за призрачные блага «цивилизованного мира», за чечевичную похлёбку?

Ведь это уже замеченный не нами мировой феномен.

Второй том переписки А.Н. Толстого читается уже с неослабевающим интересом. Невероятный писательский темперамент был у Алексея Николаевича. Правда, он сам признаётся в одном из писем, что если бы не постоянная необходимость зарабатывать деньги, он бы так не работал и написал значительно меньше. Но буйный темперамент имеет и свои отрицательные стороны – привносит в работу определённую хаотичность.

Толстой начинает писать роман. Бросает. Пишет пьесу или либретто. Заключает договор на новую книгу с издательством. Возвращается к написанию продолжения то «Хождения по мукам», то «Петра Первого». Тут даже М. Горький в письме от 1 июня 1932 года (№ 364) отмечает:

«Мне кажется, что Вам мешает взойти на высоту, достойную Вашего таланта, Ваш анархизм – качество тоже эмоционального порядка. Вам, на мой взгляд, очень немного нужно усилий для того, чтобы несколько взнудать это буйственное качество, гармонизировать его с Вашим умом и воображением».

Это что касается писательского труда А.Н. Толстого.

Но хочется отметить ещё вот что: в письмах опять же передаётся действительная, неподдельная, достоверная атмосфера того постреволюционного времени, которое мы судим сейчас зачастую совершенно неверно, а то и ложно. После страшных испытаний, разрухи Россия в очередной раз стремительно возрождалась из пепла, предпринимала невероятные усилия для того, чтобы вновь приобрести самостоятельность и независимость после учинённого предательства и грабежа странами Запада.

Из письма Толстого А.С. Яценко от 3 января 1927 года (№ 260): «... тебе было бы и любопытно, и интересно, и полезно посмотреть, как страна в экономической блокаде живёт, не унывая очень-то, строится и развивается с огромными усилиями свою независимую промышленность. У нас теперь всё своё. Кое-что ещё плохое, несовершенное, многое посредственное, есть и превосходные фабрики, – но – своё».

Тут явная переключка с нашими сегодняшними днями. Но дальше.

«Строятся грандиозные фабрики на Волге, на Украине, станции белого угля. Копают уголь, бурят нефть, моют золото на севере, разводят новые породы злаков, хлопка, чая... Эх, денег бы, денег... Черт знает, что можно натворить в СССР. Жизнь наша внешне бедная, серая, будничная. Приедешь после блестящего Берлина – станет тебе коряво; серая толпа, теснота в городах, не города – большие деревни. Но и это мы переживем. Остались же мы суверенны, подняли промышленность почти до довоенного уровня (а в некоторых отраслях перегнали). Земля обильна и богата, – обильна и богата наша земля. Переживем и нынешние будни. **Хотя на западной границе все время погромыхивает и англичанка вернулась к своей извечной политике, т.е. к тому, что у Англии единственный, вековечный враг – это Россия, – но не век же греметь тучам на горизонте... Европа сможет воевать только тогда, когда сменится целиком все поколение, выдавшее Великую Войну** (выделено мной – В.С.). А до тех пор много воды утечет, и мы преодолеем и эту теперешнюю блокаду».

Ну, скажите мне, пожалуйста, что изменилось, спустя век? Да ничего!

А это из письма А.М. Горькому от 23 мая 1932 года (№ 363):

«Так и будет когда-нибудь написано: в то время, когда на Западе гибли цивилизации и миллионы людей выкидывались на улицу, когда Восток заливался кровью и страны искали спасение в войне и истреблении, – Союз, поднявшись над временем, издал декрет о барраже Волги.

Аркольские мосты, Аустерлицы и Иены кажутся игрой в оловянные солдатики».

Такова была оценка происходящего в то время, в той международной атмосфере.

Но Алексей Николаевич продолжает много, упорно и плодотворно трудиться за письменным столом.

Из письма А.Н. Толстого бывшей супруге Н.В. Крандиевской 17 января 1940 года (№ 490): «...искусства нет, если нет в человеке неумолимого и неподкупного судьи. Искусство, во время его созидания, – самом процессе творчества, – непрестанно пробуетя на собственный вкус, и этот внутренний вкус должен быть острый и объективный, как у хорошего дегустатора. Вкус к своим мыслям, к своим чувствам, к своим восприятиям: это прекрасно, это знакомо, это вяло, как мочалка, это отвратительно, а вот это – неожиданно остро и т.д.».

Этой цитатой я, пожалуй, и закончу, после неё и закрою второй том книги.